

— **25 октября**, то есть за 4 дня до защиты я прилетел в Ленинград. Вместе со мной или чуть позже отправилась и Сашуля для поддержки и организации банкета. Остановились мы с ней у Лариски в Петергофе. Собирался ещё и Кореньков явиться - помочь плакаты развесить. Главными предзащитными проблемами были: обеспечить кворум Совета, встретить и поселить оппонентов и организовать банкет, то бишь товарищеский ужин с друзьями для снятия стресса.

— С кворумом вроде бы всё было в порядке, членов Совета хватало, хотя председатель - Макаров был в отъезде и проводить защиту должен был его заместитель - Молочнов (председательствовавший, кстати, и на защите моей кандидатской диссертации). С гостиницей для Полякова и Хантадзе в Ленинграде ничего не вышло, хотя Новиков был обязан забронировать им места. Не сумел. Успокоила Лариска. Она обещала устроить их по знакомству в Петергофе в пансионате прямо в дворцовом парке (верхнем). К тому же и банкет планировался здесь в Петергофе, на квартире у Аллочки Ляцкой.

— Олег Трошичев предложил было скооперироваться с ним в этом деле, чтобы не делить Пудовкина и других членов кафедры, но неожиданно для меня запротестовали Лариска и Аллочка. К Трошичеву после защиты они ни в какую не пойдут, потому что его не уважают и имеют на него зуб с каких-то давних ещё времен, когда он непорядочно, на их взгляд поступил по отношению уж не помню к кому. Ну, а как я мог поперёк желания Аллочки и особенно Лариски пойти, столько для меня сделавших и за меня болевших? Обе предлагали свои квартиры для банкета, но у Аллочки всё же попросторнее и к пансионату ближе. Решили собраться после защиты у неё.

— Пудовкин, наконец, отдал мне свой отзыв. У него пять критических замечаний заняли почти половину всего отзыва. Кое-что он просто не понял из текста диссертации, тут я, пожалуй, сам виноват - переборщил с ионосферными жаргонизмами, а, может, просто неудачно выразил свои мысли. Существеннее же всего было то, что в отзыве он упрекнул меня в игнорировании работы Свет Санны Зайцевой (с Алексеевой - Лидой Нацвалян), в которой высказывалась (ранее меня) мысль о вкладе разогрева сверху в формирование ионосферного провала. Работу эту я к стыду своему не читал, в чём и пришлось повиниться перед Пудовкиным.

— Вообще, я чувствовал себя перед ним нахалом: выбрал его в оппоненты как члена Совета, а во всей диссертации не сослался ни на одну (!) его работу. Причина-то этого была в том, что, когда диссертация писалась, Пудовкин в числе возможных оппонентов не фигурировал, а сослаться на него по существу излагаемого в диссертации было необязательно. Потом же, из вежливости, я уж не стал этого делать и перед Пудовкиным покаялся. Он простил, хотя злые языки утверждали, что в таких случаях Михаил Иванович может и обидеться.

— В общем, с отзывами все было в порядке. Ответы на замечания Пудовкину я с ним согласовал в том смысле, что он ими удовлетворился, то есть не собирался возражать на них на защите.

— Прошли два дня. 27-го вечером прилетел Поляков, и я поехал в аэропорт встречать его. Самолет из Иркутска задерживался и прилетел только посередине ночи, но Полякова среди прибывших пассажиров не оказалось. Измученный ночным слонянием по аэропорту, я ни с чем вернулся в Петергоф, а там меня ждала телеграмма, что ввиду отмены (?) рейса Поляков прибывает сегодня вечером в то же время.

— Поступили (с кем-то приехавшим из Москвы) вести от Хантадзе: он сегодня в ИЗМИРАНе в паре с Фаткуллиным оппонирует на защите докторской у Дробжева из Алма-Аты (неплохого парня, но прохиндея в научном смысле, и страшно активного) и сегодня же вечером он и Зураб Шарадзе выезжают поездом из Москвы, в Ленинграде будут завтра рано утром, надо встречать. Брюнелли вроде бы уже приехал, здесь в Ленинграде.

— После обеда стали поступать тревожные вести: ни слуху, ни духу от Распопова. Он член Совета и оппонент у Трошичева, который защищается завтра с утра, а я после обеда. В ПГИ его вроде бы нет: звонили туда; из Кировска самолеты не летают - аэропорт закрыт. Может, пытается из Мурманска вылететь? Если Распопов не появится, сорвется не только трошичевская защита, но и моя, так как кворум на волоске. Короче, всё как положено: до защиты меньше суток, у меня нет ещё двух оппонентов, но вроде бы едут; у Трошичева нет одного, и неизвестно, где он.

— Вечером опять поехал встречать Полякова (а до того ещё спиртное закупал). На этот раз он прилетел вовремя. Оказалось, вчера, когда в Иркутске объявили задержку рейса на 4 часа, он отправился домой попить чайку, а когда вернулся к назначенному сроку - самолёт уже улетел без него. Еле он уговорил начальника смены переоформить ему билет.

— Пока мы ожидали поляковский чемодан, откуда-то сбоку выплыл Юра Кореньков - только что прилетел из Калининграда мне на подмогу. И надо теперь голову ломать: куда его устроить, так как своих знакомых или родственников у него здесь в Ленинграде нет. А вчера ещё Жора Хазанов из Москвы прилетел, поселился в поляковском номере в пансионате в Петергофе. Отвёз я Полякова туда и Коренькова удалось там же пристроить.

— Вечером пили чай (с водочкой) у Аллочки - мы с Сашулей, Лариска, Поляков, Жора и Юра. Порешили Коренькова послать утром встретить Хантадзе с Шарадзе и привезти их сюда в пансионат до защиты. А совсем уже поздно, когда мы с Сашулей вернулись к Лариске, чего-то я засомневался в надёжности Коренькова и бессовестно попросил Лариску его продублировать. Та, безотказная, конечно, согласилась - не беспокойся, мол, всё сделаем.

— Да, совсем забыл: Любка, сестрёнка родная, на мою защиту приехала и у Кольки Мороза остановилась. Но когда я об этом узнал? Не на защите ли уже встретились?

— Перед сном в постели я ещё долго читал - Лариска принесла мне для отвлечения увлекательное чтиво: "Бодался телёнок с дубом" Солженицына. Как раз сравнительно незадолго до этого (или вскоре после того?) я прочитал в Калининграде книжку о Солженицыне некоего бывшего чешского диссидента, ныне раскаявшегося, в знак чего, видимо, и написавшего эту книжку. Книжка издана у нас в Союзе в издательстве "Прогресс", кажется, но без указания цены, то есть не на продажу, а так - для избранных.

— В этой книжке автор высказывал весьма оригинальные мысли о Солженицыне, главные из которых сводились к следующему:

— а) Солженицын **специально** подстроил всё так, чтобы его посадили в лагерь, дабы не погибнуть на фронте в самом конце войны, при этом он зачем-то ещё донес на одного из своих старых приятелей (или затянул туда же провокационной перепиской, не помню сейчас);

— б) в лагерях Солженицын был **стукачом**;

— в) и вообще он с юности одержим манией величия, что и явилось единственной движущей силой всей его деятельности.

— С Солженицыным этот чех встречался (один раз, кажется), когда тот был изгнан из Союза и впал якобы уже в совершенный маразм. Все остальные сведения о нём автор книжки получил из бесед с людьми, "близко его знавшими".

— Книжку ту, разумеется, я прочитал с большим интересом, но и с неменьшим недоверием к автору, тенденциозность которого так и выпирала отовсюду, переходя порой в совсем уже бредовые утверждения. Что-то, может, и было в этой книжке верного, но что? Какой процент? Поди угадай.

— И вот теперь опять Солженицын попал мне в руки. Ведь после "Ракового корпуса", прочитанного мною много лет назад взахлёб за одну ночь, мне так больше и не удалось ничего прочитать. Ни "В круге первом", ни "Архипелаг Гулаг", ни "Август Четырнадцатого".

— В БДТ Солженицын описал свою литературную деятельность после выхода из лагерей и поселения в Рязани и вплоть до высылки его из СССР. Много написано о

пригревшем его Твардовском, о всей редакции "Нового Мира" периода кратковременного взлёта Солженицына и, увы! - почти без тени доброжелательства, весьма желчно. А чего уж говорить о периоде после его письма к Съезду Писателей и последующего изгнания из Союза Писателей!

— Озлоблённость его перевесила всё. Это был уже не автор "Одного дня Ивана Денисовича" и "Матрёнина двора", а прямолинейный борец против Советской власти, люто её ненавидящий. И уже трудно было отделить его праведную скорбь по тысячам или, как он утверждал (в 1984 году, выходит, я сам не был уверен), миллионам жертв этой власти от личной оскорблённости затравленного человека, возжелавшего стать пророком в своём отечестве...

— Прочитав БДТ, я выписал оттуда цитату: "Они борются не за строй, а за кресла" и записал где-то у себя: "Бить в лоб или, не дразня, гнуть?"

— Вроде бы последнее, но и первое иногда не мешает. Вот только именно иногда, в особых случаях. Солженицын же, начав гнуть, попёр потом напролом, и эффективность его деятельности упала, на мой взгляд. (Здесь уместно напомнить опять, что это писано в конце мая 1984 года - в предгорбачевское андроповско-черненко-ское время).

(продолжение следует)

[Главная страница](#)

[Путеводитель по "Запискам рыболова-любителя"](#)